

Евсей Цейтлин
Вспомним ли мы этот дождь?..
О поэзии Игоря Киселева и о нем самом

// Писатель в провинции. – М.: Советский писатель, 1990. – С. 54 – 71.

Ну что в том особенного столичный журнал напечатал большую подборку стихов провинциального автора?.. Особенного и в самом деле ничего не было. Но я помнил: Киселев ждал такую публикацию всю свою поэтическую жизнь. Так и не дождался. Между тем его первый выход к всесоюзному читателю стал событием для многих... «Прочла в журнале «Наш современник» стихи Игоря Киселева. Они меня потрясли. Я читала и плакала. До чего просто, красиво, ни одного лишнего слова». Таких откликов было немало. Приведя некоторые из них, редакция в том же - 1987-м - году поместила еще одну подборку произведений Киселева. Вот уж поистине случай редкий!¹

Знаю, старые друзья Игоря Михайловича радовались этому успеху. Но к радости примешивалась горечь: поздно, слишком поздно!

Каждый талант уникален, единствен. И все же судьба Киселева достаточна типична. Обычная, полная драматизма судьба провинциального поэта. Приблизимся к ней.

С чего начинается поэзия? С неуловимого другими, но не дающего тебе покоя ритма. Ты несешь этот ритм в себе как некую еще не проявленную ценность. Он становится основой стихотворения. И основой открытия, которое сделает для читателя автор.

Грусть - вот, пожалуй, самое естественное и устойчивое состояние духа в лирике Игоря Киселева. Говоря это, вспоминаю былые времена, когда у нас любили упрекать поэтов в излишнем миноре. Но грусть вообще свойственна лирике. Грусть свойственна раздумью - моменту жизни человека, когда он оглядывается назад и видит кружение листьев. Желтых листьев осени или белых листков календаря.

В одном из стихотворений Игоря Михайловича такой момент запечатлен точно:

От музыки негромкой,
От снега за окном
Печаль, бочком-сторонкой
Неслышно входит в дом.

Присяду, одинокий,
За краешек стола

¹ См.: Игорь Киселев. Человек приходит к человеку. Публикация И. А. Киселевой. Послесловие А. Казинцева.— «Наш современник», 1987, № 1. Игорь Киселев. [Стихи]. Публикация И. А. Киселевой. Предисловие А. Казинцева.— «Наш современник», 1987, № 8. А еще через полтора года — опять по просьбе читателей — новая подборка: Игорь Киселев. Простор вернуть мечте.— «Наш современник», 1989, № 3. Публикация И. А. Киселевой.

И повторяю строки:
«Печаль моя светла...»

В стихах Киселева у грусти много названий. И много оттенков. Но мне кажется, эта грусть всегда мужественна. В полном согласии с пушкинской строкой, которая похожа на формулу, действительную во все времена. Человек осознает невозвратность дороги, признается сверстнику:

Счастье, как лодка на легкой волне,
Мимо неслось, ненадолго причалило.

Однако в человеческом взгляде нет безысходности!

Такая позиция поэта явно имеет одно преимущество. Восторженные бодряки не видят рядом с собой ничего, что может нарушить их оптимизм. Герой Киселева - как это всегда было в русской поэзии - ощущает все несовершенство мира. И откликается на зов чужого горя. И казнит себя, если не в силах помочь.

Так появился в одном из его стихотворений образ «чужих трагедий». Это «угрюмые птицы»: они «крыльями машут в окне», висят стаями над головой поэта, не дают ему прохода, стучатся в двери... Они так мешают жить! Но однажды к нему приходит как озарение:

Чужие трагедии –
Песня моя и судьба...

Есть литераторы, интерес к которым начинается с биографии. Бурной, насыщенной событиями. Биография Киселева была на редкость «тихой»: родился в 1933-м в алтайском селе, учился в Новосибирском пединституте, работал потом в газетах и на телевидении... Когда мы по-

знакомились с Игорем Михайловичем, он уже давно нигде не служил. Казалось (наверное, не мне одному), что Киселев всегда, всю жизнь обитает в двухкомнатной малометражке на последнем, пятом, этаже обычного панельного дома в середине шумного Ленинского проспекта. Живет в окружении любимых книг и пластинок, не печалась по поводу скудных заработков. Существует почти аскетично, но благодаря заботам и житейскому искусству его жены Ирины Анатольевны аскетизм этот никогда не переходит в бедность...

Если все же говорить о его биографии, то, может быть, самым существенным окажется вопрос: откуда пришел к нам поэт? Вот несколько строк, набросанных Киселевым торопливо, для «личного дела», - при вступлении в Союз писателей:

«Детство - синие алтайские степи. Потом - Новосибирская область, отец, сельский учитель, постоянно переезжающий с одного места на другое. Потом - война и школа, все это очень связано одно с другим. Первое поэтическое впечатление - это ощущение всенародной беды, неизмеримого горя. С

тем и живу». А в одном из стихотворений Киселев задушевно и точно напишет о сибирских деревнях, где прошло его детство. Деревни - так часто у взрослого человека - стали как бы походить для него друг на друга. Вот оно, это обычное село. И обычная жизнь людей. Работа, любовь, дети, постепенно подкрадывающаяся старость... Словом, ничего нового. То же, что и на всем белом свете. Но читатель, побывав вместе с автором в этих местах, о многом передумает здесь.

Село на трех дорогах.
Там, прихвастнуть не грех,
Я знаю все про многих
И многое про всех.
Там, прислонясь к частушке,
Бесстыж и в меру пьян,
У старенькой церквушки
Похаживал баян...
Я много лет там прожил.
Там так меня тревожил
Девичий голосок,
Негромок и высок.
Там Катенька Смирнова
Любила одного,
А вышла за другого...
Но это ничего.

Читая это стихотворение, и сейчас чувствую добрый, чуть ироничный взгляд Игоря Михайловича. Размышляя о потоке жизни, уносящем каждого из нас, он с грустью ощущал: многое уже не вернешь. Но при этом как бы переспрашивал: может быть, ничего и не надо менять? Такая убежденность Киселева коренилась в вековой народной мудрости: жизнь хороша даже такой, как она сложилась; все перемелется, все рано или поздно станет на свои места...

Но откуда все-таки эта горечь, это ощущение трагизма, когда пытаешься осмыслить его судьбу? Киселев умер в сорок восемь лет. Незадолго до смерти вышла его пятая поэтическая книга. В сущности, это было «Избранное». А все предыдущие сборники невелики по объему. И ни одной книги в столице... Я всегда видел здесь обидную несправедливость. И прежде всего - по отношению к тому читателю, что оказался лишенным общения с серьезным и умным поэтом. Но почему так случилось? И почему перед нами «обыкновенная история»? Долгие годы в докладах, в различного рода «руководящих» статьях утверждалось безоговорочно: у нас нет литературной провинции. Эти утверждения были бы смешны, если бы не были циничны. Сотни писателей жили и живут на периферии. Жили и живут трудно.

Нет, дело даже не в том, что в провинции мало издательств, журналов.

И не в том, что часто так далеки культурные центры! Все это, в конце концов, преодолимо. Но как преодолеть самого себя - постепенно возникающий психологический комплекс «областного писателя»? Это чувство рождается, конечно, не сразу. Вот молодой автор выпустил первую книгу. Надеется на понимание, споры, отклики. Только сборник, появившийся в местном издательстве, так и останется в области: книготоргу невыгодно отправлять его в другие районы страны. Не заметит дебюта и столичная критика. Она ведь занята немногими «модными» именами. Увы, то же будет и со второй, третьей книгой автора. Кстати, если вдруг появится публикация в столице, она мало что изменит — разве что после смерти поэта. Инерция! Идут годы, тают надежды. И вот уже автору кажется очевидным: между ним и большой, настоящей литературой — незримая стена.

Как трудно пройти сквозь эту стену!

Однажды говорил все о том же за «круглым столом» одного из московских журналов. Называл писателей, обойденных критикой, произведения, которые обязательно должны прийти к всесоюзному читателю... Мое выступление (достаточно резкое) напечатали, а сотрудники журнала тут же попросили меня самого «восполнить пробел».

Я написал статью о Киселеве. А дальше все шло по знакомой схеме — к материалу в отделе претензий не было; но редактор засомневалась: неужели поэт и впрямь так интересен? Все спрашивала удивленно: «Почему я раньше ничего не слышала о Киселеве?», переживала: не перехвалим ли мы его? Статью напечатали, когда Игорь Михайлович умер. Он успел прочесть лишь фрагменты из нее, которые я опубликовал в местной газете. Какой вывод может сделать автор, не желающий стать «областным»? Иные всеми правдами и неправдами пробивают свои произведения в столице. Другие, чтобы одолеть пресловутую «стену», готовы на скандал и крик — только бы их услышали. Третьи... Третьи достойно и строго идут своим путем. Они верят, что рано или поздно...

Чем больше вчитываешься в строки Игоря Киселева, тем яснее понимаешь: именно такая судьба была принята, избрана им самим. Определена в главном его отношением к слову и своему призванию. В стихах Киселева идет речь о многих и разных дорогах. Но вот одна из них, четко прочерченная, - дорога поэта:

Твой путь по бумаге огромен,
Ты вышел. Ты нищ и бездомен.
Что толку в достатке и доме,
Когда ты у всех на ладони!

Обычно Игорь Киселев задавал вопросы себе и читателю, многое как бы перепроверял. Но для него бесспорна, единственно возможна такая жизнь в искусстве и такая дорога:

Над белой бумагою снова

Споткнусь, потрясенный, с разбега...
Ведь белая магия слова –
Как магия белого снега!

Кажется, самому себе он твердил все эти годы:

Ищи! Начни опять и снова!
И, может быть, в распадках строк
Качнется солнечное СЛОВО –
Чуть приоткрывшийся цветок.

Так и жил Киселев в литературе. Он никуда не торопился. Да и вправду - куда ему было спешить? Но он успел увидеть то, что хотел увидеть. И успел сказать то, что хотел сказать. Это совсем не мало - пять книг за почти два десятилетия поэтической работы. Если, конечно, говорить о литературе всерьез.

Жена Киселева вспомнила: однажды, будучи проездом в Москве, они пришли с Игорем Михайловичем в издательство «Молодая гвардия», куда руководители кемеровского семинара молодых литераторов - известные поэты - рекомендовали сборник его стихов. Киселев увидел шкафы с рукописями - одинаковые папки, в которых стихи кажутся мертвыми, - и решил повременить со своей книгой. «Когда-нибудь». Естественно, у него не было никаких «связей»; закономерно, что он был непрактичным человеком. Обычное состояние поэта.

Тогда же, в 1966 году, на семинаре молодых, Киселеву предсказывали удачный путь в литературе. Увы, предсказания сбываются не всегда. (К тому же многие по-разному понимают, что считать состоявшейся литературной судьбой.) Бывает обманчивой и яркость дебюта. Сам Игорь Михайлович однажды заметил:

То, что путь был интересно начат, -
Это, в общем, слишком мало значит.

Но его путь действительно оказался проторенным верно. Потому что недолгий путь этот в самом главном совпал с вечной дорогой людей. Друг к другу. К миру. Идешь, чтобы понять: зачем ты пришел на эту землю? Живешь, чтобы открыть: кто же ты сам?

...О чем они были, долгие, далекие от суеты размышления поэта?

Мне кажется, самой большой болью Киселева была природа. То, что сделал с ней современник, воспринималось Игорем Михайловичем как мало с чем сравнимое предательство. Предательство человечеством своей колыбели.

Природа для Киселева - простое, зачастую неприметное чудо. Впрочем, у самого поэта не раз вырвется радостно:

А все же есть на свете
Среди иных чудес
Обыкновенный ветер,
Обыкновенный лес.

Киселев вздохнет, в который раз увидев:

Бредут в метель устало,
Сводя тебя с ума,
Квадратные кварталы,
Квадратные дома.

Здесь слилось многое - и тоска о забытой нами природе, и признание вины перед ней, и тягостное чувство от мертвящего шаблона городской архитектуры. Но здесь нет наивной попытки встать поперек исторического движения, обвинить во всем НТР. Скорее уж Игорь Михайлович размышлял и писал о другом. О своеобразной нравственной проверке, которой подвергает научно-техническая революция самого человека.

Монолог «Молитва лани» - из цикла «Стихи, написанные в Алма-Атинском зоопарке». В поэзии все возможно, а потому удивляет не то, что лань обращается к одному из посетителей, - в этом необычном монологе вдруг заденет пронзительная деталь:

- Посмотри: на твое лицо
Тень от клетки моей ложится!..

А в стихотворении «Быть в ответе», традиционном по замыслу, внезапно ощущение автора:

Мне кажется, жалеют нас леса.
И небеса.

Ощущение неожиданное. Но оно характерно и для других стихов Киселева. Вместо призывов проявить гуманность к природе — осознание себя равноправной частью «и леса, и птиц, и травы». Вот когда лирический герой Киселева воспрянет духом. В огромном городе, плывя в толпе, как «инопланетянин среди неведомых существ», он прижмется спиной к дереву. И обретет друга. «Оно со мной шепталось сонным. И не давало мне упасть. Своим спокойствием зеленым со мной доверчиво делаясь».

Шептало дерево, что люди
Не одиноки на земле...

...Когда писал, любил, чтобы играла музыка. Чаще всего ставил пластинки Баха. Не странно ли? У Баха нет ничего общего с тихой музыкой стихов Киселева. Наверное, Бах олицетворял для него образ мира: страсти, надежды и — одновременно - трагическую безысходность любой жизни.

Ирина Анатольевна рассказывает:

- Почти не было черновиков. Уже готовые, отлитые в воображении строки перепечатывал на машинке.

Обычно долго ходил взад и вперед по комнате. Слушал музыку - свою и чужую. И как бы входил в другие судьбы. Постигал их закономерности и противоречия, притаившийся в глубине драматизм.

И поэтический мир Киселева - это мир, поистине открытый жизни. Многие его стихи - новеллы о человеческих судьбах. Здесь сходятся вместе пограничники, убитые 22 июня 1941-го, пленные немцы, что роют картошку в русской деревне, старый сибирский живописец, кочующие цыгане... Мы слышим музыку военного детства поэта - «хриплые песни» из картонного репродуктора. Мы попадаем в маленький кузбасский городок Мариинск, так похожий на деревянный цветок...

Сюжет иных новелл прост. И традиционны герои. Ну например: он, она, годы. Но совсем не прост другой сюжет - внутренний, определенный сложностью нравственного чувства. Таковы «Стихи о Наташе Ростовской»: в них история первой школьной любви волнует именно своей обычностью. Читатель снова прощается и с собственной Наташей Ростовской. В вечной повторяемости одной ситуации он видит мудрость жизни:

Здесь по-прежнему сумерки бредят цветами,
И под теми же кленами,
Не на виду,
Задыхаясь, к кому-то бежит на свиданье
Длинноногая девочка в школьном саду.

Эта ситуация давно уже освоена искусством? Но банальные ситуации у Киселева перестают быть таковыми: они соприкасаются с истинностью человеческой боли.

А что приносили годы в его стихи? Вот первое - может быть, самое очевидное. Поэзия Киселева с годами все настойчивее избегала помпезности, любой, пусть даже никому не заметной, кроме героя, фальши. Сюжетно это очень резко выражено в стихотворении «К вопросу о хоровом пении». Два конкретных эпизода детства и юности заставляют героя перестать доверять искренности хора. Игорь Михайлович посвящает этому неожиданно суровые строки:

Ведь в хоре, как его ни слушай,
Едва ли различишь на вид,
Кто в песню вкладывает душу,
А кто губами шевелит.

Стихотворение многозначно. Но при этом гражданский пафос поэта не вызывает сомнений. Примечательно такое авторское уточнение:

Я знаю, тут раздолье спорам,

Любой возможен поворот.
Народ умеет петь.
Но с хором
Не надо сравнивать народ.

В стихотворении есть и другие строки - тоже многое проясняющие. Их упорно вычеркивали редакторы, но Киселев их никогда не забывал, выступая перед читателями:

В былые годы, по которым
Прошла трагедий полоса,
Мы все так громко пели хором,
Что надсадили голоса.

Нет нужды напоминать, в какое время это писалось. Страшные «былые годы» уже минули, но и в новую пору от лица народа опять произносились пышные речи. В газетах и на телевидении выступали слаженные «ансамбли» и «хоры» профессиональных угодников и демагогов (в том числе - писателей).

Недоверие Киселева к подобному «хоровому пению» очевидно. Сейчас вспомню о другом. Однажды Игорь Михайлович сказал, комментируя очередной поток славословия: «Как можно бороться с этим? Правдой. Или хотя бы молчанием, когда все начинают аплодировать».

...А еще его спасала неизменная ирония. Впрочем, ирония по природе своей, как известно, сродни лирике. Мягкой иронией переполнены его стихи - одна ироничная строчка как бы охраняет исповедь. Ирония другого рода - жесткая, убийственно меткая - была в устных репликах Киселева по поводу тех или иных литдеятелей, их «эпохальных» творений.

Сколько пренебрежительных слов сказано о телефоне, который все окончательнее отделяет нас друг от друга. А Киселев любил телефон. Казалось даже, он помогал Игорю Михайловичу отсечь суету дня. Киселев звонил вечером, порой - совсем поздно. Разговор начинался с обсуждения поэтической подборки в журнале, фильма, книги. Но мы оба знали: за беседой (какой бы интересной она ни была для обоих) придет черед его стихам... Так, по телефону, я услышал многое из написанного Киселевым. До сих пор его строки часто выплывают в памяти как бы прорвавшиеся не через преграду лет, а через телефонную мембрану.

Читал Игорь Михайлович своеобразно. Четко выговаривал слова, но подчинял их мелодии того чувства, которое жило в его душе.

Однажды не предупреждая прочел одно свое старое стихотворение, которое я, впрочем, не знал:

Наилучшие друзья,
Не пытаясь поднять головы,
Понесут мои руки,

Сохранившие запах травы.
Вдоль размытой дороги,
Высоко над землей, на весу,
Поплывут мои ноги,
Так любившие пыль и росу.

В холодеющий вечер,
Меж осин, что трепещут, блестя,
Проплывут мои плечи,
Что совсем не боялись дождя.
По земному раздолью
С журавлями, с туманом вдали,
Чтобы стал я
 росою,
 веткой клена,
 щепоткой

земли.

Смерть меня не отнимет
У реки и у поля во мгле.
И земля меня примет.
И да стану я пухом земле!..

Не так уж редки у поэтов подобные - пророческие - стихи. Потому я не слишком удивился. Но долго молчал: как всегда действовала «белая магия» слова. Конечно, не думал, что скоро исполнится все. Страшное, непоправимое.

Главная опасность, которая подстерегает профессионального литератора в провинции, все же связана с тем, что обычно называют «творческим ростом». Не чувствуя внимания критики или, напротив, поверив похвалам чересчур снисходительных рецензентов, легко снизить планку эстетических требований к своей работе. Легко также впасть в подражательство известным столичным авторам. И этого не заметят. А если заметят, то могут и похвалить: «Смотрите, наш-то земляк ничуть не хуже, чем...» Есть, наконец, соблазн бесконечно эксплуатировать свои былые, когда-то давно найденные удачные приемы.

Мне кажется, Игорь Михайлович сознавал все эти опасности. И вовремя преодолел их. Что помогло здесь ему? Если ответить одним словом, вот оно - культура. Он прекрасно знал русскую и мировую поэзию (никогда, впрочем, не щеголяя своей эрудицией, даже как бы пряча ее от посторонних), постоянно читал работы по теории литературы. В стихотворении «Спор, которого не было» отразились эти многолетние размышления Игоря Михайловича. Скорее то был нескончаемый его диалог с самим собой.

Все тверже, все окончательнее преодолевал Киселев естественную в юности тягу к словесному экспериментаторству. Вот откуда упрек его

Но в глубине его характера таилась, нет, отчетливо проглядывала неуступчивость, твердость: были вещи для него бесспорные, не подлежащие даже обсуждению. Вроде бы чуть иронично стихотворение Киселева, в котором рефреном звучат старые слова: «Честь имею». Но потом понимаешь: не случайно, очень серьезно автор повторяет их вновь. Повторяет в годы, когда то и дело торжествовал расчетливый, даже не особо прячущийся цинизм. А для поэта, был уверен Киселев, понятие «честь» определяет не только жизненное - творческое поведение:

Отвечаю добром на добро.
А по-своему спеть не сумею –
Поломаю перо:
Честь имею.

...Любил молодых, вечно читал чьи-то рукописи. Любопытно: в отличие от множества бестактных рецензентов и редакторов, видящих свою задачу в том, чтобы непременно что-то выбросить или исправить по-своему, Киселев не позволял себе вторгаться в текст: чужое стихотворение казалось ему самостоятельным организмом со своим дыханием и пульсом. Он старался понять законы жизни этого организма. О том и говорил с автором.

Не жалел времени на молодых, потому что знал, как трудно прийти в искусство. И как потом еще более тяжело и одиноко идти своей тропой.

Часто на выступлениях (когда между ним и залом уже устанавливалось особое доверие) читал стихи начинающих. Казалось, совсем забывал о себе. Повторял:

- Запомните, запомните это имя...

Киселев много сделал, чтобы вышли первые сборники своеобразных поэтов Любви Никоновой, Валерия Зубарева, других, бесспорно, интересных литераторов. Но я с горечью думаю: в чем-то они сейчас повторяют путь учителя: пока дальше Западной Сибири мало кто знает об этих авторах. Года за два до смерти Киселева состоялся его творческий вечер в Кемеровском университете. Вступительное слово выпало произнести мне. Помню, как мы, товарищи Игоря Михайловича, волновались: вечер решило записать на пленку местное телевидение; все ли пройдет гладко? в какой именно сюжет «выстроятся» стихи Киселева? не поставят ли его в тупик каверзные вопросы студентов?

Это была его исповедь, которую с благодарностью приняли многие. Передачу дважды показывали по телевидению. А меня поразила на вечере та редкая непринужденность, с какой Игорь Михайлович переходил от вопросов, касающихся истории литературы, психологии творчества, к проблемам жизни общества...

Недавно услышал: кемеровские студенты решили высадить аллею деревьев и назвать ее именем Киселева.

Придут туда почитать стихи, тоже - свои и чужие. Поспорить. Придут без особых юбилейных дат.

...И снова я мысленно возвращаюсь в ту пору безвременья, которую мы теперь застенчиво называем годами застоя. Растоптаны идеалы; бездарность спокойно и вроде бы по праву занимает место таланта; годы идут медленно, и кажется - ничего впереди... А жизнь у нас действительно только одна.

Что противостоит безвременью? Что дает силы выстоять? Творчество. Осмысление истории, в которой все это уже было. Так отвечал для себя на подобные вопросы Киселев. В стихотворении «Бывают дни» есть строки, которые раньше также не публиковались. Это его кредо, его заповедь самому себе:

Не сетуем. Не морщимся. Не плачем.
Работаем и веруем в одно –
Что прячется в безвременье незрячем
Невызревшего времени зерно...

И естественно, в те годы Киселев часто думает, пишет о «связи времен». Потому что поэзия и есть то, что соединяет разорванные безвременьем годы, людей, чьи имена забыты, но которые жили, страдали, может быть, думали о нас. Игорь Киселев отправляется в прошлое каждодневно, естественно. Без долгих сборов, без исторических экскурсов.

Слетает с берез позолота,
И небо прохладой звенит.
Есть в сумерках властное что-то,
Какой-то печальный магнит.
Как будто в синеющей дали
И в облаке темных лесов
Спят вести забытых преданий
И звуки иных голосов.

Сумерки для поэта лучше машины времени. Сумерки на земле одинаковы и тысячу лет назад, и тысячу лет спустя. В дали истории обычно отыскивают прославленных героев или очевидцев известных событий. А Игорю Михайловичу однажды показалось, что он отыскал в прошлом собственного пращура. «Закончивший день свой нелегкий», тот просто сидел на берегу реки.

И думал, что день уже прожит,
Что птиц прекратилась возня,
Что поздно. Что завтра, быть может,
Уже не увидит он дня.

Археологи раскапывают следы материальной культуры человечества. Поэт «раскапывал» давным-давно ушедшую жизнь души. И оказывается, она так похожа на твою. И оказывается, все, что тревожит тебя, уже было... И здесь ты найдешь утешение, будто согреешься у чужого костра. А может,

найдешь и урок?

В стихотворении «Сумерки» - лицо поэзии Киселева. Есть поэты, которые пишут бесконечные репортажи из собственного быта. Репортажи бывают интересными, но иногда думаешь все же: зачем? Есть поэты, что сразу пишут «итоги», осмысление, но, читая их стихи, скучаешь по конкретным деталям, реалиям жизни. Киселев удачно сочетал непосредственное лирическое чувствование и его анализ. Он явно следовал в этом традиции Заболоцкого. «Философия жизни» растворяется в его стихотворениях в пейзаже, проступает одной, но емкой строчкой в финале...

Разумеется, иногда сам замысел диктовал иной способ поэтического мышления. Порой у Киселева в основе стиха - логические построения. Вот притча - жанр, вообще-то не свойственный Киселеву. И так, перед нами словесные формулы; они выражают становление личности. Формулы исключают друг друга, однако каждая верна. Не правда ли, «человек начинается с «не» («Не хочу! Не буду! Не стану!»). Не правда ли, человек начинается с «да» («Да, хочу!», «Да, буду!», «Да, люблю!»). А может быть, все-таки «по-настоящему человек начинается с «но»? («Но» - сигнал о работе мысли».)

Все так, каждый раз соглашаемся мы с автором. Только он неожиданно говорит: «...счастье не в этом».

...Его необычная, истовая любовь к самой обычной природе сказывалась, например, в том, что Киселев предпочитал роскошным букетам цветы полевые, скромные (иногда и названия их никто, кроме него, не мог припомнить). Он дарил такие цветы жене - Ирине Анатольевне. Единственной своей Музе, если выражаться старым слогом, и, по-моему, единственной героине всей любовной лирики Киселева.

Мы не виделись с Ириной Анатольевной немало лет. Ее лицо (такие лица часто увидишь на старинных гравюрах) ничуть не постарело. Но что-то навсегда застыло в нем.

- Игорь умер накануне моего дня рождения - 19 ноября. День рождения отмечать перестала, и вот теперь мне часто кажется, что время тогда остановилось. Живу нашей общей памятью и его строчками.

...Да, истинной стихией Игоря Киселева была стихия открытого проявления лирического чувства.

Что такое любовь? - вновь и вновь «наивно» спрашивает поэт читатель у финиша XX столетия. Выжила ли она? Прошла ли через войны, предательства, безверие, столкновение идей, культур, открытий и бешеный ритм последних десятилетий?

Этот вопрос задают себе и сами поэты. Они не могут уйти от ответа. Когда Киселев говорил о любви, в его голосе была «плохо объяснимая тоска», но не было сомнений. Он различал шаги любви и в городской толпе, и в пустынном переулке... Слышите?

Вот опять и легко, и неровно
Простучали ее каблучки,
И хранят за оградой бревна

Теплый след ее быстрой руки.

На страницах своих книг он как бы набрасывал множество женских профилей. Думал об их вечной загадке. Автор, к примеру, вглядывался в угловатого подростка, наблюдал: «из грусти и света, улыбок и слез» возникает характер.

А вот другие лица:

В них что-то есть от скорого прощания,
Как светлый дождь, сквозят они во мгле,
В себе невозмутимо воплощая
Все лучшее, что было на земле.

Это и есть его идеал: в такие лица «украдкой смотрится природа, как в созданные ею зеркала»... Только, увы, «на нашей слишком занятой земле» идеал сохранить трудно. Поэт тревожился: неужели «сильный ветер века вот-вот погасит эти огоньки»? Отсюда - трагические ноты, так рождался драматизм во многих его стихах. Впрочем, не только век, забывающий о чувствах, виноват перед любимой поэта. Мотив собственной, непоправимой, вины - один из постоянных у Киселева:

Считая годы за плечами,
Дорогам подводя черту,
Я вспомню все твои печали
И все обиды перечту...

Посмертный портрет поэта не нуждается в ретуши. А потому, процитировав стихотворение «Качели», скажу и о причине этой тревоги. Как страдал, как мучительно переживал Игорь Михайлович ту болезнь, которая скомкала жизнь многих литераторов.

И все же любовь в лирике Киселева - это то бесспорное, что оправдывает ушедшие годы. Те мгновения жизни, которые, пусть оставляя привкус горечи, кажутся истинными. И автор посреди усталости, разочарований отыскивает эти мгновения в памяти. И переживает заново. Слышит смех любимой, видит летящие качели в осеннем парке под Ригой. Или потерявшуюся во времени тополиную аллею. Или - «тихую пляску вечернего снега», чьи-то песни, тонкую женскую руку...

Все это не умрет! - настаивал Киселев: поэзия как раз и живет памятью. Нужно только перелистать ее страницы.

- Переверни страницу, переверни страницу! - настойчиво обращался поэт к своей любимой. А может, и к нам. Судьба литератора, как и любая судьба, с годами приобретает завершенность и четкость. Есть стихотворцы, при упоминании о которых сразу приходят на ум отшумевшие дискуссии, ставшие ходячими афоризмы. Игорь Михайлович избегал какой-либо броскости, эффектности. И вспоминая о нем, я снова повторяю простые

строки:

В них что-то есть от скорого прощания,
Как светлый дождь, сквозят они во мгле...

Слова эти сказаны им по другому поводу, но, не правда ли, здесь точно выражен путь истинного поэта? Сам Игорь Киселев прошел по жизни именно так: как светлый дождь...